

А. С. Ходнев

«Новая» история досуга как исследовательское поле

В статье анализируется положение в относительно новой области исторических исследований – истории досуга. Выявлены новейшие тенденции историографии истории досуга. Показаны основные методологические подходы и поиск историками междисциплинарной стратегии исследований.

Ключевые слова: история досуга, социальная история, новая культурная история, междисциплинарная методология истории.

A. S. Khodnev

"New" History of Leisure as a Research Field

The situation in the History of Leisure as a relatively new area of the historical research is analyzed in the article. The new trends of historiography of leisure history are revealed. Are shown the new methodological approaches and the historians' search of interdisciplinary methods.

Keywords: leisure history, social history, new cultural history, interdisciplinary methodology of history.

Новая история досуга, постепенно сложившаяся в последние десятилетия XX – начале XXI в. существенно отличается от старой. В старой истории досуга акцент делался на описании и либо создавали нарративы о развлечениях людей в отдаленные по времени исторические эпохи, либо писали об истории спорта и туризма во второй половине XX в. В целом этот жанр не выходил за рамки исторического краеведения или региональной истории и существовал «на обочине» главных исследований.

В новой истории досуга наличествует несколько главных подходов к истории досуга. Во-первых, это – история свободного времени и потребления. Историки изучают итоги индустриализации, обращая главное внимание на ее экономические последствия. Это направление известный английский историк культуры Питер Берк назвал «культурной стороной индустриализации» [7, р. 40]; во-вторых, появилась история досуга, написанная с точки зрения исследования поведения классов и групп людей, а также формирования их групповых/классовых идентичностей (социальная история); в-третьих, история досуга, написанная в жанре новой культурной истории (антропологическая, или новая культурная история досуга). А в последние годы обозначился очередной поворот к так называемой «мягкой» социальной истории. «Жесткая» ("hard") социальная история строилась вокруг

таких понятий, как «классы», «классовая структура общества», «государство». Предложенная историками досуга «мягкая» ("soft") социальная история движется к новой культурной истории. На наших глазах происходит что-то похожее на конвергенцию двух сильных исторических дисциплин: социальной истории в «мягкой» форме и новой культурной истории. Многие историки досуга, являясь по своему предыдущему опыту социальными историками, рассматривают общество как культурный конструкт. Приоритет отдается исследованиям взаимодействия мифа, памяти и места как инструментов познания общества и его ключевых воззрений и практик.

История досуга находится в исследовательском поле достаточно размытой дисциплины, которую чаще всего именуют историей повседневности, вкладывая в это понятие достаточно большое количество объектов исследовательского интереса. Например, известный французский философ и социолог А. Лефевр посвятил этой проблеме эссе «Каждый день и повседневность» [13, р. 7–11], в котором ему удалось интерпретировать существенные тенденции развития повседневности от эры модернити до эпохи глобализма. Лефевр подметил, что до революций XVIII–XIX вв., знаменовавших наступления эры модернити, дома, модели одежды, привычки, традиции в еде и потреблении напитков, иными словами, многие стороны повседневной жизни людей

представляли собой удивительное разнообразие, не подчинявшееся никаким системам или структурам. По мере приближения к современности, по мнению Лефевра, возрастало стремление к единообразию и однородности повседневной жизни, если судить с точки зрения архитектуры городов и формы предметов, которые окружали человека [13, р. 7]. Таким образом, концепция повседневности, в оценке Лефевра, не создает сама систему, а является скорее «общим знаменателем существующих систем, включая юриспруденцию, педагогику, налоговые и политические институты» [13, р. 9]. Несмотря на некоторые противоречия в оценке исторической эволюции повседневности, заключающиеся в том, что переход к современности не отменял многообразия ее форм, некоторые наблюдения А. Лефевра заслуживают внимания историков.

Из всех вышеперечисленных направлений новая культурная история стала в начале XXI в. преобладающей формой культурной истории, и, по мнению некоторых историков, истории как таковой [1]. Направление развивается как междисциплинарное, заимствующее методы у других социальных наук, прежде всего, у антропологии, этнографии. С самого начала новый поворот в историографии заподозрили в агрессивности. Например, американский историк Л. Насдорфер писала в обзорной статье об известном сборнике «Новая культурная история», вышедшем под редакцией Л. Хант в 1989 г.: «В настоящее время хорошо известно, что недавно появившееся в истории направление является плотоядным животным. Культурная история поедает тело существующих дисциплин. Помните интеллектуальную, религиозную, социальную, политическую, дипломатическую и экономическую историю? Немногие из практикующих в начале 1990-х гг. историков, которые ранее идентифицировали себя с тем или иным направлением, чувствуют себя уютно, когда заявляют, что они не работают в жанре культурной истории» [16, р. 74].

Новая культурная история, как и всякое направление историографии, формировалась постепенно. Карло Гинзбург обратил внимание в знаменитой работе 1976 г. [2] на наличие нескольких культурных уровней в глубине цивилизованных обществ, а термин «культура», применительно к комплексу взглядов, верований, жизненных принципов, был позаимствован у культурной антропологии. Иными словами, потребовалось посмотреть на цивилизованные общества в исторической ретроспективе, как ан-

тропологи изучали примитивные общества для того, чтобы обнаружить наличие культуры «у тех, кого не так давно свысока именовали «плебсом цивилизованных народов» [2, с. 32].

В начале 1980-х гг. появилась серия очерков Р. Дарнтон [11, р. 5], который вел семинар вместе с антропологом К. Гирцем в Принстонском университете и прямо подчеркивал, что методологические подходы, которые Р. Дарнтон скромно называл «жанром, не нашедшим наименования на английском языке», были связаны с антропологией. «Это такой же подход к собственной цивилизации, какой используют для изучения других народов... это история в этнографической сущности» [11, р. 3], пояснял он. Для Дарнтон важен принцип – «поймать инаковость» («схватить чуждость») и перевести это явление в терминах исторического ремесла. Часто историк, по словам Дарнтон, совершает ошибку, подмечая подобное в прошлом. Самое простое думать, что люди два столетия назад думали и чувствовали так же, как наши современники, хотя носили парики и деревянную обувь. «Нам необходимо постоянно испытывать потрясение от ложного чувства похожести прошлого, испытать дозы культурного шока» [11, р. 4], – призывал Дарнтон. Для Дарнтон главное в работе историка – интерпретационная сторона его деятельности. И это направление культурной истории он относил к интерпретационным наукам [11, р. 6]. Книга Р. Дарнтон в свое время стала поводом для споров и упреков автора в том, что он недостаточно изучил ретроспективный контекст отдельных событий XVIII в., например, суда над котами, устроенного подмастерьями. Автор принял это событие, давшее название всей книге, за «инаковость», хотя оно имело глубокие корни в традиционной культуре Франции [4]. Тем не менее, значение и популярность книги Р. Дарнтон вышли далеко за рамки утверждения нового направления в историографии. В 1993–1995 гг. автор данной статьи был свидетелем того, как исторический департамент университета Дэйтона (Огайо, США) выбрал две первые главы упомянутой книги Р. Дарнтон в качестве обязательного текста по истории для чтения всех студентов университета, выбравших курс «История западной цивилизации».

Досуг был «открыт» историками как вид деятельности еще в 1970-е гг., когда историки Великобритании обсуждали «появление» нового досуга в Викторианскую эпоху (1837–1901). Многие исследователи полагали, что изучать эти

практики необходимо в жанре новой социальной истории и прежде всего обращать внимание на новые развлечения, появившиеся в XIX в. в жизни рабочего класса. Британский исследователь Питер Бэйли справедливо подчеркивал, что такой подход «игнорировал очевидные факты, что главным новым бенефициарием аристократических до этого момента привилегий в области досуга был средний класс» [8, p. 8].

Период с середины викторианской эпохи можно считать временем начала инициации среднего класса, происходившей не в последнюю очередь через новые формы досуга, и построения новой идентичности. Уже в XVIII в. средний класс Лондона и других городов вел образ жизни в области досуга, описываемый в категориях «динамизма» и социального гостеприимства. Однако кризисы первой половины XIX в. заставили обеспеченных граждан примириться с «невеселой эпохой» экономии на развлечениях [8, p. 9]. Прощание с «невеселой эпохой» пришло с ростом экономической безопасности. К 1850 г. кризисные колебания экономики, характерные для предыдущих десятилетий, начали успокаиваться. Обеспеченные люди, пережившие это время, получили возможность комфортной жизни в условиях относительного достатка. Следовательно, в середине викторианской эпохи появилось, к радости содержателей театров и других мест развлечений в городах, большое количество приверженцев разных видов досуга [8, p. 10].

В настоящее время досугу людей прошлых эпох посвящают отдельные главы или разделы в коллективных монографиях. Однако эти штудирования все-таки не считаются чем-то серьезным. Историков повседневности и досуга все еще часто упрекают в потворстве дилетантским запросам о прошлом, увлечении социологией и экономикой в ущерб истории, а еще в присоединении к научным исследованиям личных детских впечатлений. Например, историки, пишущие о кино или поездках на отдых, часто включают свои субъективные детские и юношеские рефлексии в нарративы, если сюжет связан с не очень далекой по времени эпохой XX в. [14, p. 517].

Все это происходит за рубежом: в США, Англии, Франции, Германии и других странах, где издается много интересных книг по истории досуга людей разных эпох. Совершенно иная картина в российской историографии, где историки занимаются исследованием досуга достаточно случайно. Характерный образец – книга Т. Дит-

трич «Повседневная жизнь викторианской Англии» [6]. Понятна цель книги – популяризация истории. Тем не менее, этот нарратив основан на литературных источниках, в основном, на сочинениях Ш. Бронте, Ч. Диккенса и А. Конан Дойля. Для Т. Диттрич второстепенно, что пропущены существенные литературные, мемуарные и другие источники эпохи, например, воспоминания У. Теккерея. Из предмета исследования исчезли достаточно хорошо изученные историками сюжеты досуга англичан XIX в. Книга, естественно, построена как популярная, и в ней не обсуждаются методологические проблемы, нет глубокого, насыщенного описания и объяснения процессов.

Примерно такое же положение существовало в области истории досуга и спорта, появившейся на Западе в конце 1950-х гг. под мощным влиянием социальной истории. В публикациях была заметна эклектика, с точки зрения как теоретических подходов, так и используемых материалов. Однако в последние пятнадцать-двадцать лет второе поколение историков досуга обретает академические рамки подходов к предмету исследования. Об этом свидетельствует легкий ревизионизм в их работах, заявления о пересмотре прежних концепций, а также быстрое исчезновение неизученных в этой области тем и резкое расширение предмета исследований. Иными словами, происходят те же процессы, что и в новой культурной истории.

Тем не менее, существуют достаточно серьезные трудности с определением объекта и предмета исследования. Английский историк П. Борсей отмечает, что досуг как предмет исследования – расплывчатый, неясный и к тому же обладает способностью перетекать в другие области [9, p. 1]. Подмеченный парадокс последних публикаций по истории досуга состоит в следующем. Все попытки определить досуг с точки зрения противопоставления досуга/работы наталкиваются на противоречия. Обычно перечисляют все, что связано с активной деятельностью человека, относится к работе и не может считаться свободным временем или досугом: сама работа, а также образование, религия, гражданская активность (политика и волонтерская работа), «обыкновенная жизнь» (включающая такие обязательные действия, как сон, еда, секс). Этот список ставит новые вопросы, и, прежде всего, проблему, а что понимать под термином «работа» [9, p. 1–2]? Кроме того, несмотря на то, что досуг обычно постигают как время, свободное от рабо-

ты, историки незанятого времени стараются обрисовать досуг в индустриальных обществах, где его, естественно, больше, не отделяя досуг от работы, рабочих часов. Например, популярны исследования занятости в сфере досуга. Кроме того, трудно отделить религиозные практики и досуг-отдых. В частности, в эпоху средневековья и раннего нового времени все возможности досуга у людей были связаны с религиозными праздниками. Известный немецкий католический философ Йозеф Пипер посвятил в 1948 г. свой трактат обоснованию невозможности появления культуры и религии в истории человечества без досуга [17]. Образование, как уже говорилось, следует отнести к практикам, не связанным с досугом. Тем не менее, в Западном мире хорошо известна новая массовая традиция – учеба пенсионеров в университетах, которую можно считать формой серьезного досуга, соединенной с «заслуженным отдыхом».

В поисках определения досуга в его самых «существенных качествах» П. Борсей предложил три главные характеристики: «символ», «игру», а также идею «другой деятельности» [10, р. 6]. Под «символом» П. Борсей понимает идею репрезентации, метафору какого-то иного феномена, нежели обыденная жизнь. Под «игрой» подразумевается что-то синтетическое, нереальное или экспериментальное. Идея «другой деятельности» связана с фантазией человека о жизни, которая отличается от его повседневности [10, р. 6]. И все же данное определение не выглядит исчерпывающим, поскольку предложенные «существенные» характеристики можно применять и к другим видам практик человека.

Как уже говорилось, новым поворотом в исследовании истории досуга может стать использование методов, разработанных в новой культурной истории. Например, выявление культурной «неясности» нового поведения людей в области досуга. Источники показывают, что ни один новый общественный слой не знал, как себя вести в рамках предлагаемого нового поведения или новых практик в области досуга. По мнению некоторых историков, можно говорить о «культурной нервной» ("Cultural anxieties") даже элит в новой действительности.

Глубокое исследование одного из популярных видов досуга, проведенное А.-К. Эберт, привело к интересным выводам о формировании идентичности нации в Нидерландах в 1880–1940 гг. при помощи велосипеда [12, р. 347]. Вместе с тем, автор использовала подходы, характерные

для социальной истории в ее «жесткой» форме. При интерпретации материала источников А.-К. Эберт использовала такие понятия, как «структура», «класс буржуа», «социальные различия», «социальная мобильность», «переход к модернити» [12, р. 363–364]. Сначала элита увлеклась ездой на велосипеде, а затем эти новые формы иного поведения стали популярными у простых людей.

Здесь важно обратить внимание на то, что подобные процессы проходили в конце XIX в. и в российских городах. Например, в губернском Ярославле в 1890-х гг. появилось общество велосипедистов. Если рассматривать это событие как простую иллюстрацию к рассказу об истории досуга горожан, а не как переход к модернити, можно не заметить два важных обстоятельства: общество велосипедистов возникло в процессе борьбы против навязанных городскими властями «Правил велосипедного движения», ограничивавших репрезентации представителей ярославской городской элиты и среднего класса. Они хотели появляться на велосипедах в самых людных местах, во время народных гуляний, там, где это запрещалось правилами, введенными городской управой. Характерно, что в переписке с городскими властями «ярославские велосипедисты» демонстрировали «инаковость» практик поведения. В частности, они доказывали, что отведенное для велосипедных прогулок место находится на окраине, тогда как в реальности это был почти центр города [3].

Как уже говорилось, у социальной истории и новой культурной истории есть несомненное достижение, связанное с признанием наличия культуры у «плебса цивилизованных народов». В конкретных исследованиях это выражается в ответах на вопросы, когда у людей формируется сознание горожанина, или, по словам Р. Дарнтон, как можно «выявить диктовавшуюся улицей стратегию выживания» [5, с. 7]? Например, американский историк М. А. МакКьюиртер посвятила свое исследование истории досуга, который, по ее мнению, создал из афроамериканцев настоящую городскую общину в столице США Вашингтоне. По мнению МакКьюиртер, участвуя в досуге, афроамериканцы «предъявляли свои права на город, в котором сегрегация была скорее частью привычки, чем закона» [15, р. 3]. Кроме того, через свой досуг жители Вашингтона узнавали, как «передвигаться по урбанистическому ландшафту» [15, р. 11].

Итак, новая история досуга становится настоящей научной дисциплиной, ломая конвенциональные границы и обретая междисциплинарность. В этом процессе заложено главное достижение и противоречие современной истории, любая область которой не может не пережить эволюцию в направлении развития междисциплинарности. Возможно, в случае осознания этих процессов, используя междисциплинарную «мягкую» ("soft") методологию, смелее применяя культурный и другие повороты, уверенно проходя зигзаги на новой дорожной карте историографии, современный историк откроет новые области знания о прошлом.

Библиографический список

1. Берк, П. Историческая антропология и новая культурная история [Текст] / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75.
2. Гинзбург, К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. [Текст] / К. Гинзбург ; пер. с итал. – М. : РОСПЭН, 2000.
3. Государственный архив Ярославской области. – Фонд 509. – Оп. 1. – Д. 672д.
4. Гуревич, А. Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) [Текст] / А. Я. Гуревич // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html>
5. Дарнтон, Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры [Текст] / Р. Дарнтон ; пер. с фр. – М. : НЛО, 2002.
6. Диттрич, Т. Повседневная жизнь викторианской Англии [Текст] / Т. Диттрич. – М. : Молодая гвардия, 2007.
7. Burke P. What is the History of Popular Culture // History Today. – 1985. – Vol. 35. – Issue 12. P. 40–41.
8. Bailey P. "A Mingled Mass of Perfectly Legitimate Pleasures": The Victorian Middle Class and the Problem of Leisure // Victorian Studies. – 1977. Vol. 21. – Issue 1. – P. 7–28.
9. Borsay P. A History of Leisure. The British Experience since 1500. – N. Y. : Palgrave MacMillan, 2006.
10. Borsay P. New Approaches to Social History. Myth, Memory, and Place: Mommouth and Bath 1750–1900 // Journal of Social History. – 2006. – Vol. 39. – No. 3. – P. 867–889.
11. Darnton R. The Great Cat Massacre and other Episodes in French Cultural History. – N. Y. : Vintage Books, 1984.
12. Ebert A.-K. Cycling towards the Nation: The Use of the Bicycle in Germany and the Netherlands, 1880–1940 // European Review of History. – 2004. – Vol. 11. – No. 3. – P. 347.
13. Lefebvre H. The Everyday and Everydayness // Yale French Studies. – 1987. – No. 73. – P. 7–11.
14. Lowerson J. Review Article: Starting from Your Own Past? The Serious Business of Leisure History // Journal of Contemporary History. – Vol. 36. – 2001. – No. 3. – P. 517–529.
15. McQuirter M. A. Claiming the City : African Americans, Urbanization, and Leisure in Washington, D. C. 1902–1957. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy (History). The University Of Michigan, 2000.
16. "The New Cultural History", "Interpretation and Cultural History" / Review by L. Nussdorfer // History and Theory. – 1993. – Vol. 32. – No. 1. – P. 74–83.
17. Pieper J. Leisure: The Basis of Culture. South Bend, In. : St Augustine Press, 1998.